

Гений и «память рода»

В.Ф. Колязин. «Древо Мейерхольдово».
М.: Бит-принт, 2024

Эта книга стала результатом многолетних исследований известного театроведа-германиста Владимира Федоровича Колязина, исследований кропотливых и внимательных, а по характеру поисковой деятельности – весьма обширных и разнообразных.

Первые результаты трудов автора, отдаленно указывавшие на будущую монографию, мы увидели за десять лет до выхода книги – в статье В.Ф. Колязина «Древо Мейерхольдово», опубликованной в газете «Экран и сцена» (№15, 14.08.2015, с. 14–16). В этой работе уже были собраны и сжато представлены некоторые впечатляющие итоги поисков, начавшихся задолго до того. Старомодно-поэтичное название перешло из статьи в книгу.

Если приглядеться к предшествующим публикациям В.Ф. Колязина, можно заметить, что разыскания автора в области генеалогии Мейерхольда прошли несколько стадий. Таблица под названием «Родословная Мейерхольда» была опубликована в 2013 г. (Колязин В.Ф. Мейерхольд, Таиров и Германия. Пискатор, Брехт и Россия. Очерки русско-немецких художественных связей. Saarbruecken, 2013), а подготовлена в наиболее раннем варианте – за десять лет до этой публикации, для выставки «Мейерхольд и Германия», состоявшейся в Бахрушинском музее в 2004 г. Если же припомнить еще и первое издание монографии В.Ф. Колязина «Мейерхольд, Таиров и Германия...» (М.: ГИТИС, 1998), в которой также заметен глубокий интерес к этой теме, то нетрудно будет посчитать: длительность ее развития составит без малого тридцать лет.

Столь впечатляющее постоянство говорит о том, что тема генеалогии Мейерхольда обусловлена для В.Ф. Колязина не просто умозрительным интересом, а более глубокими мировоззренческими причинами. Чтение книги дает понять, какова природа этого интереса.

Но прежде – о структуре книги. В ней четыре основных раздела:

- обширное введение под названием «Генетическое поле и художественный мир Всеволода Мейерхольда», состоящее из двенадцати подразделов;

- часть поменьше, посвященная М.А. Валентей-Мейерхольд, состоящая из трех очерков-воспоминаний разных авторов;

- раздел генеалогических таблиц рода Мейерхольда (их две: по линии отца и по линии матери), выполненный в виде вклейки из единственного в книге неформатного длинного листа, складывающегося вчетверо;

- наконец, самый крупный раздел под названием «Древо – Собрание документов», в котором опубликованы в хронологическом порядке документы, собранные автором во время генеалогических разысканий.

Читатель, перелистав книгу, сразу заметит, что в центре ее – и композиционно, и с точки зрения оформления, и по смыслу – эти удивительные таблицы родословных, вычерченные на одном огромном листе с двух сторон. Хронологические границы этих генеалогических схем, а также общее число их элементов сразу же показывают, сколь много исторических реалий надо было охватить и осмыслить автору, чтобы сформировать эти листы.

Отцовская ветвь Мейерхольда проведена от «силезско-польского ядра рода евангелически-протестантского вероисповедания»; и вот первое имя в ней, которое В.Ф. Колязину удалось найти по документам: «Мейергольд Фридрих Георг фон Риттерсхольм (1785, Гроссглогау, провинция Силезия – 1864, Вирзитц, прусская провинция Позен), землевладелец и лесопромышленник».

От Фридриха Георга – дедушки Вс.Э. Мейерхольда – идет ветвь Фридрихов: отцовская ветвь. Всеволод (урожденный Карл Теодор Казимир) Мейерхольд значится в этом генеалогическом древе под номером 19; а всего в этой таблице 79 элементов – близких и дальних родственников нашего героя вплоть до ныне живущих (79, если не считать жен и мужей, связанных с представителями поколений, следующих за Мейерхольдом: они также все, без исключения, упомянуты).

После составления такой обширной схемы иной исследователь мог бы и остановиться: генеалогическое древо сформировано. Но В.Ф. Колязин, следуя золотому правилу полноты обзора материала, пускается в реконструкцию родословной матери Всеволода Эмильевича, чье полное имя – Елизавета Альвина Люитгарда Ван дер Неезе (1837–1906, происходит из г. Риги, из семьи прибалтийских немцев). Ее ветвь автору удалось проследить на пять поколений назад от нее вплоть до первого установленного имени, принятого за начало родословной: Михель Неезе (1550?–1614, г. Рига, из семьи остзейских купцов). В этой схеме 71 элемент – до ныне живущих потомков рода Неезе.

Величина двух генеалогических таблиц, конечно, очень впечатляет и сама по себе свидетельствует о колоссальном объеме работы, стоящей за ними. Что это за работа? Во-первых, привычные для В.Ф. Колязина архивные разыскания в собраниях документов по всему миру; а во-вторых – активная коммуникация с другими исследователями и, главное, с потомками рода Фридрихов и рода Неезе. Эта работа была, предполагаю, самой сложной, ибо связана с необходимостью контактировать с разными людьми в разных обстоятельствах, преследуя свои исследовательские цели. И тот, и другой вид работы богато отражены в четвертом разделе книги.

Состав этого четвертого раздела весьма любопытен. Название большинства его частей сохраняет образ строгой структуры, подчиненной главной цели книги («Сосновицкая, Верхнесилезская ветвь», «Немецкая, Берлинская ветвь», «Материнская Неезева, Рижская ветвь» и т. д.); однако документы, собранные в нем, исключительно разнообразны, и их пестрота точно соответствует впечатлению от материала, с которым приходилось работать автору.

Этот четвертый раздел не просто документирует. Через него мы погружаемся в процесс поисков и имеем шанс, как бы следуя за В.Ф. Колязиным, пережить открытия, встречи, подтверждения или опровержения гипотез, наполнение конкретикой географических или биографических подробностей, отыскание все новых и новых материальных фактов, запечатлевших след, оставленный родом Мейерхольдов в разных частях мира.

Например, в подразделах I и II собраны фотографии и рисунки, относящиеся к местам жизни деда и бабки Вс. Мейерхольда – соответственно, городами Гросс-Глогау в Нижней Силезии и Вирзитц в провинции Позен (ныне Выжицк в Великопольском воеводстве).

Здесь можно подолгу рассматривать репродукции видов городов с гравюр, картин и открыток; схему перехода города Гросс-Глогау из-под одного владычества в другое в период XVIII–XX вв.; гербы городов и провинций; план разрушенного кладбища, где были похоронены дед и бабка Мейерхольда, и так далее.

Подобные сведения, казалось бы, избыточны, если речь идет просто о составлении генеалогических таблиц. Но натура театроведа и навыки историка берут свое: необходимо поместить найденные факты в конкретное пространственное и временное измерение и корректно связать их с визуальной образностью, и тогда история рода превратится в историю людей, мест и событий во времени. Эта черта – стремление к предельной конкретности в любом изучаемом историческом периоде генеалогического древа – является одной из определяющих для этой книги.

Особое чувство читатель, несомненно, испытает, просматривая переписку В.Ф. Колязина со своими корреспондентами – отпрысками «древа Мейерхольдова» (подразделы V–XIV). В книге эта переписка документируется с дополнительной подробностью: все ответы на письма и запросы автора опубликованы полностью – притом вначале на языке, на котором велась переписка (немецкий, английский, французский, польский), а затем в переводе на русский.

Вновь кому-то может показаться, что такая подробность избыточна; однако смысл двуязычных публикаций на страницах книги вполне ясен. В.Ф. Колязину дороги факты о роде Мейерхольда, но не менее дорог и сам исследовательский путь. Важнейшую часть его, как сказано, составило эпистолярное общение, и в общении этом ценна не только фактологическая информация, но эмоции, чувства и настроение, которыми проникнута переписка. Все это – тоже исследовательские факты, но они, как правило, ускользают от читателя в документальных публикациях и остаются лишь в памяти исследователя. Дать почувствовать их читателю – это, мне думается, верное решение В.Ф. Колязина.

Стремление автора сберечь и передать в книге прямые знаки покоя, волнения и радости, сопровождавших поиски и открытия, в значительной степени определяет жанр этой публикации. Книга «Древо Мейерхольдова» – не просто документальное генеалогическое исследование, а «роман разысканий». Так определил эту работу первый ее рецензент – А.В. Бартошевич, отзывавшийся в своем письме на материал, подготовленный к упоминавшейся публикации в «Экране

и сцене» (2015): «Я бы назвал эту работу романом разысканий. Тут важен не только предмет поисков, но и сам процесс, причем этот процесс способен временами становиться, так сказать, интерактивным – когда обнаруженные родичи Вс.Э. так или иначе реагируют на информацию о том, что их связывает с человеком, о самом существовании которого они, возможно, только узнали. И с этого часа их жизнь становится чуть иной, чем была дотеле».

Слово «роман» для обозначения жанра этой книги выбрано очень точно. Читатель, конечно, с первых страниц заметит, что В.Ф. Колязин воспринимает свой труд как явление не только научное, но и философское, и даже поэтическое. Об этом говорят заглавия подразделов (например: «Илиада и Одиссея капитана Белой армии Ивана Хитца», с. 35), смелые аналогии между историческими и литературными событиями (фрагмент из драмы М. Булгакова «Бег», использованный в качестве комментария к судьбе Ивана Хитца, с. 39) и самый стиль повествования.

Приведу только один пример авторского стиля В.Ф. Колязина, и таких примеров – множество: «Окидывая взором на старинной карте Нижней и Верхней Силезии места расселения-переселения исполинского мейерхольдова рода, от Зельца до Риги, от Гросс-Глогау до Сосновиц, от Силезии до горизонта без конца и края, нельзя не видеть, как Господь своей щедрой рукой бросил семя по ковшу полумесяца, словно в какую-то магическую колыбель, которая затем качнулась в сторону Московии, подарив миру гения» (с. 54).

Поэтико-эпический стиль, казалось бы, трудно сочетать с позитивно-научным содержанием работы. Однако примеры подобных сочетаний – конечно, со своими индивидуальными признаками стиля – мы найдем как раз в немецкой философско-исторической традиции, столь близкой по духу В.Ф. Колязину. В качестве аналогии сразу вспоминается, например, И.Г. Гердер и его величественный труд «Идеи к философии истории человечества» (опубликован в 1784 г.). Возьму наугад почти любую цитату из этой книги: «Как бы ни представлялись нам хаосом и развалинами недра земные, потому что мы до сих пор не способны увидеть в целом, как построена была Земля, однако мы все же замечаем, что даже и самое малое, и самое неразвитое существует по вечным законам: *бытие, склад, строение* всего весьма определено, и не в силах человека изменить этот вечный строй» (часть 1, книга 2)¹.

Аналогия с Гердером, мне думается, уместна еще и потому, что немецкий автор дал в своей книге потрясающие примеры конкретного

понимания того, что мы называем «дух народа» – или, как пишет сам Гердер, «гений народа, сын традиции и привычки». Конкретность понимания «духа», или «гения», достигается через описание духовных типов населения Европы и рассуждение о том, как именно духовные основания наций наложили специфический отпечаток на их исторические свершения.

В.Ф. Колязину тоже свойственно стремление достичь максимально конкретного представления о типе духовности, присущем определенной генеалогической ветви, и о том, какой он накладывает отпечаток на творческую натуру будущей гениальной личности – а именно В.Э. Мейерхольда (об этом – см. подраздел «Проблема корреляции родов», с. 43–49). Автор предпочитает, конечно, употреблять не гердеровские, а современные слова: «гены», «геномы» и пр. – и употребляет их с должной осторожностью.

В этом стремлении дойти до оснований индивидуального духовного зерна, в этой интуиции, заставляющей театроведа подбираться ближе к науке генетике, он не одинок среди исследователей мейерхольдовского наследия. Недаром на с. 44 В.Ф. Колязин цитирует высказывание К.Л. Рудницкого – автора одной из основополагающих книг о Мастере – «Режиссер Мейерхольд» (1969): «А если иные из этих велений судьбы генетически закодированы?.. Гипотеза: быть может, четвертая доля французской крови в какой-то мере стимулирует театральный инстинкт»².

Как бы продолжая размышление над этой гипотезой, В.Ф. Колязин помещает интереснейшие разделы о людях, связанных с театром, из немецко-польской линии рода: музыкант и артист Казимеш Мейерхольд, бывший в 1920-е гг. директором Театра им. Ю. Словацкого в Кракове и в последующие годы также работавший в театрах и театральных школах (с. 18), и Тадеуш Мейерхольд, хоть и профессионально не связанный с театром, но страстно к нему стремившийся и оставивший несколько пьес (с. 18–20, 102–106).

Размышления о духовном генезисе творческой натуры, переплетенные с исследованиями родового древа, яснее позволяют понять философское зерно книги, а также то, почему занятия генеалогией Мейерхольда увлекают В.Ф. Колязина вот уже тридцать лет. Автора глубоко интересует огромная и вечная тема, занимавшая хотя бы раз любого историка и искусствоведа: каким образом происходит явление гениальной личности в истории? И можно ли исследователю, если не понять,

то хотя бы приблизиться к пониманию таинственного механизма истории (будь то история семьи, рода, национальной культуры), из глубины веков ведущего к рождению человека, которому суждено будет сыграть уникальную и выдающуюся роль?

Стремление приблизиться к тайне, оттолкнувшись от позитивного знания, как раз и является причиной той сложной индивидуальной стилистики, которая характерна для книги В.Ф. Колязина. С одной стороны – научные документоведческие разыскания, множество установленных фактов и выявленных связей, обилие инфографики и исторических фотографий. С другой стороны – философско-поэтическое настроение, происходящее от восторга перед тайной и заставляющее искать между строк в метриках и архивных отчетах следы исторического промысла. Каждая из этих двух сторон авторской мысли не затушевывает другую, но существует полноценно в пространстве книги: в этом уникальность «Древа Мейерхольдова». (Замечу в скобках то, о чем мечталось при чтении: если бы в книге были указатели имен и географических названий, это добавило бы еще один удобный инструмент для ее изучения.)

Книга была задумана и выполнена как уникальное книжное издание; создатели сумели передать читателю свое отношение к ней как к произведению искусства (автор макета и художественный редактор В.С. Исаев). Был выбран формат альбома, и в этом альбоме совершенно нет признаков абстрактного типового макета; напротив, заметно, что почти каждая страница делалась вручную и каждая деталь оформления неоднократно была примерена к целому художественному замыслу. (Вот лишь одна маленькая, но симпатичная деталь: в конце каждого раздела поставлена миниатюрная репродукция из рисунков В.В. Люце, условно передающих силуэты артистов, выполняющих биомеханические упражнения.)

Публикация «Древа Мейерхольдова» в 2024 г. стала достойнейшим вкладом в широкое празднование 150-летнего юбилея со дня рождения Вс.Э. Мейерхольда и в празднование даты менее крупной, но очень дорогой для знающих – 100-летия со дня рождения М.А. Валентей-Мейерхольд (1924–2003). В.Ф. Колязин сделал двойное посвящение в начале книги – *Мастеру и внучке Мастера*, а во второй части поместил несколько искренних и проникновенных очерков, написанных людьми, знавшими Марию Алексеевну и восхищавшимися ей (авторы – А. Михайлова, П. Меркурьев, В. Щербаков). Тема героизма внучки, всю свою жизнь положившей на то, чтобы вернуть в русскую и мировую культуру

некогда поруганную память своего деда, – важнейшая сторона книги. Эта тема также прибавляет драматизма к той, казалось бы, сухой последовательности фактов и схем, которая должна была составить результат генеалогических разысканий.

Есть в книге еще одно посвящение, не объявленное прямо, но очевидное: Олегу Максимовичу Фельдману – основателю серии «Мейерхольд. Наследие», создателю Мейерхольдовских сборников, основателю Сектора изучения и публикации наследия Вс.Э. Мейерхольда в Государственном институте искусствознания. В предисловии В.Ф. Колязин называет его «крестным отцом» издания. Это посвящение в полной мере реализовано на деле: «Древо Мейерхольдово» – глубокая, информативная и волнующая книга, сумевшая соединить позитивистские установки с философско-поэтическим настроем; я уверен, она займет виднейшее место в ряду современных научных изданий, посвященных Вс.Э. Мейерхольду.

Дмитрий Трубочкин

- ¹ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 37.
- ² Рудницкий К.Л. Режиссер Мейерхольд. М.: Наука, 1969. С. 10–11.